

Оценка масштабов и последствий торгового протекционизма США

Евгений Николаевич СМIRНОВ,
доктор экономических наук, профессор,
Государственный университет управления
(109542, Москва, Рязанский проспект, 99) -
заведующий кафедрой мировой экономики и
международных экономических отношений,
E-mail: smirnov_en@mail.ru

УДК:339.5; ББК:65.428; Jel: F10
DOI: 10.64545/2072-8042-2026-3-84-97

Аннотация

В последние годы напряженность в международной торговле нарастает, что во многом обусловлено более агрессивной политикой США по отношению к ключевым странам – внешнеторговым партнерам. Новые тарифные инициативы администрации США создают серьезный риск не только для международной торговли, но и для динамики глобального экономического роста, занятости и инвестиций. В настоящей статье обсуждены ключевые аспекты применения новых мер торговой политики США, ответные меры, принимаемые их торговыми партнерами, а также последствия применения этих мер для устойчивости международной торговли. Дополнительно анализируются возможности пути нивелирования негативных последствий торгового протекционизма на примере политики, реализуемой в еврозоне.

Ключевые слова: торговый протекционизм, тарифная эскалация, США, международная торговля, валовой внутренний продукт, экспорт, импорт, торговая политика.

Assessing the Scale and Consequences of US Trade Protectionism

Evgenii Nikolayevich SMIRNOV,
Doctor of Sciences in Economics, Professor, State University of Management
(99 Ryazanskiy Prospekt, Moscow 109542) - World Economy and International Economic Relations
Department, Head of the Department, E-mail: smirnov_en@mail.ru

Abstract

In recent years, tensions in international trade have been escalating, largely due to more aggressive US policies toward key trading partners. The US administration's new tariff initiatives pose a serious risk not only to international trade but also to global economic growth, employment, and investment. This article discusses key aspects of the implementation of new US trade policy measures, the retaliatory measures taken by its trading partners, and the implications of these measures for the stability of international trade. It also examines potential mitigation strategies for the negative impacts of trade protectionism, using the example of policies implemented in the eurozone.

Keywords: trade protectionism, tariff escalation, USA, international trade, gross domestic product, export, import, trade policy.

ВВЕДЕНИЕ. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО СОВРЕМЕННОЙ ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКЕ США

Вопросы торгового протекционизма актуализировались в повестке торговой политики в последние несколько лет, иницилируясь агрессивными действиями со стороны США. После Второй мировой войны США в основном игнорировали недобросовестные торговые практики, что во многом сегодня, в частности, способствовало так называемому цифровому протекционизму, и такая практика должна быть прекращена. Наибольшее внимание следует уделять странам, где США сталкиваются с самыми большими дисбалансами и перекосами (Европейский союз (ЕС), Индия и Китай). В исследованиях последних лет [2], [3], [4] изучались последствия введения данных тарифов. В частности, Д. Аутор анализировал воздействие этих тарифов на внутренние экономики торговых партнеров США, затрагивая также ответные меры этих стран в отношении США [6]. В целом, тарифы США тех лет не оказали серьезного воздействия на занятость, тогда как контрмеры были более болезненными (например, в аграрном секторе). Более подробный анализ торговли и удельных издержек производства экспортных товаров произведен в работе П. Файгельбаума, и им было обнаружено, что экспорт и импорт США вследствие введения ответных тарифов упали незначительно, но отрицательно сказываясь на американском валовом внутреннем продукте (ВВП) [13, с. 4]. А. Флааен оценил воздействие тарифов США на импортозамещающие отрасли и степень негативного воздействия ответных мер, придя к выводу об отрицательном влиянии тарифов 2018-2019 годов на занятость и деловую активность в промышленности США [15, с. 20-21]. Замечательным является исследование М. Амита, рассмотревшего, как мировые цены вследствие введения тарифов переносятся на внутренние цены. Оказалось, что преимущественно компании и домохозяйства США испытывают перенос мировых цен на внутренние цены (за исключением экспортеров стали) [5, с. 543]. Э. Йорк на основе использования модели общего равновесия пришла к выводу о воздействии тарифов Трампа на незначительное снижение американского ВВП в долгосрочной перспективе, однако с учетом новых тарифов в размере 10% для третьих стран и 60% для Китая это снижение может быть значительно усилено [23].

В этой связи необходимо отметить появление нового пула исследований, связанных с новейшими тарифными инициативами Д. Трампа. К. Клозинг оценивает, что в результате нынешних тарифных инициатив ВВП США снизится на целых 1,8%, конечно, учитывая ответные меры. По оценке экспертов Конгресса США, импортный тариф в размере 10% (и для Китая в 60%) увеличат индекс потребительских цен на 1% и снизят ВВП США на 0,6% [21]. Дж. Фельбермайр при помощи адаптированной к торговле модели затраты-выпуск рассмотрел несколько сценариев торговой политики США. В классическом сценарии (10% – тариф на

импорт третьих стран и 60% – на импорт для Китая). ВВП Китая и США упадут на 0,7% и 0,6% соответственно, а экспорт Китая и США – на 8% и 13,6% соответственно [14, с. 26]. В целом, все рассмотренные сценарии умеренно отрицательно повлияют на страны Европы, а в большей степени – на Германию.

Целью настоящего исследования стала оценка характера, масштабов и последствий современного торгового протекционизма, а также возможных вариантов политики противодействия такой практике со стороны зарубежных стран, что сделает международный обмен более устойчивым.

ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖСТРАНОВЫХ ТОРГОВЫХ БАЛАНСОВ

В последние годы, особенно на фоне усиления применения различных барьеров в международной торговле, происходят изменения в динамике и структуре международной торговли. Если рассматривать внешнюю торговлю отдельных стран, то экспорт Индии и Китая продолжает расти (в 2024 г. – на 2% и 5% к предыдущему году соответственно), а, например, Республики Корея начинает замедляться. В США отмечается положительный рост импорта, и отрицательный – экспорта. Также рост импорта был отрицательным для Японии, России, ЕС и ЮАР [22, с. 19]. В целом, тенденции в динамике международной торговли были неоднозначными. Динамика международной торговли значительно отличается в разрезе секторов. Так, более высокими темпами растет торговля фармацевтическими товарами и офисным оборудованием, тогда как в стоимостном объеме замедляется торговля энергоносителями. В международной торговле услугами рост замедлился (за исключением, пожалуй, Китая), за исключением развитых и некоторых развивающихся (например, Индия) стран, однако экспорт и импорт услуг в развивающихся странах растет быстрее, чем в развитых, где он даже сокращается.

В 2024 году произошло увеличение глобальных торговых дисбалансов, которые приблизились к уровням 2022 года. У США по-прежнему наблюдается максимальный в мире дефицит торгового баланса, а у Китая – самый большой профицит. ЕС после предыдущих дефицитов зафиксировал существенный профицит торгового баланса. Среди других крупных экономик с торговым дефицитом следует назвать Великобританию, Индию и Японию. Между отдельными странами также сохраняются большие двусторонние дисбалансы – между США и Китаем, США и ЕС, ЕС и Китаем. Также США имеют большой дефицит с Вьетнамом и Мексикой, а дефицит внешней торговли Китая приходится на Тайвань и Австралию. В целом, в 2024 году наблюдался рост глобальных торговых дисбалансов (см. таблицу 1).

Таблица 1

Двусторонние торговые балансы по торговле товарами между отдельными странами в 2024 году, млрд долл.

<i>Импортер</i>	<i>Экспортер</i>	<i>Баланс за 2024 г.</i>	<i>Импортер</i>	<i>Экспортер</i>	<i>Баланс за 2024 г.</i>
США	Китай	-355	Китай	Австралия	-69
США	ЕС	-241	Индия	Россия	-65
ЕС	Китай	-237	Великобритания	Китай	-59
США	Мексика	-178	Вьетнам	Китай	-59
Великобритания	ЕС	-128	США	Япония	-56
США	Вьетнам	-110	ЕС	Норвегия	-43
Индия	Китай	-103	США	Индия	-37
Китай	Тайвань	-92	Мексика	ЕС	-29
США	Канада	-83	Китай	Бразилия	-25
Мексика	Китай	-71	Россия	ЕС	-6

Источник: [22, с. 21].

ЕС остается одним из ключевых центров современной международной торговли. США – основной торговый партнер ЕС, и почти 20% своего экспорта, осуществляемого за пределы ЕС, ЕС направляет в США (импорта ЕС из США – около 14%). Доля еврозоны в структуре американского экспорта, осуществляемого за пределы еврозоны, составляет почти 16%, а в структуре американского импорта, поставляемого за пределы еврозоны, удельный вес еврозоны составляет 11% [12, с. 18]. Важно отметить растущую взаимозависимость в торговле между Европой и Китаем начиная с 2018 года. Исторически сформировался существенный дефицит ЕС в торговле с Китаем, достигший в 2023 году почти 300 млрд. евро (у еврозоны такой дефицит в торговле с Китаем составил почти 215 млрд евро). Агрессивная торговая политика США уменьшила их зависимость от внешней торговли с Китаем. Среди стран Европы Бельгия, Германия, Испания, Италия, Нидерланды и Франция имеют наибольший профицит в торговле с США. Поэтому эти страны в большей степени затронуты американскими тарифами, и больше других стран будут приверженцами ответных тарифов в отношении США.

Рост концентрации международной торговли и френдшоринга, наблюдавшийся в последние годы, претерпевает некоторые изменения. Хотя френдшоринг развивается активнее уровня 2021 года, он все же замедлился в 2024 году. В свою очередь, концентрация международной торговли также ниже уровня 2021 года, демонстрируя изменение структуры международной торговли, где малые страны стали более значимы. Ниаршоринг также имеет тенденцию к замедлению, что показывает возрождение географически удаленной торговли. Геоэкономика и реструктуризация глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) продолжают оказывать значимое влияние на динамику и тенденции развития международной торговли. Геоэконо-

мическая интеграция продолжает быть значимой для международной торговли. По отдельным парам стран, в частности, наблюдается рост зависимости в торговле: Малайзии – от США, России – от Индии, Вьетнама – от США, Тайваня – от США, России – от Китая, Турции – от ЕС. Одновременно продолжается снижение зависимости в торговле по следующим парам стран: России – от ЕС, Австралии и Вьетнама – от Китая, Канады – от США.

ЭСКАЛАЦИЯ ТОРГОВОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА США И ПОВЫШЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ

Тарифы США в отношении импорта не являются новыми для международной торговли, поскольку они уже вводились в период первого президентского срока Д. Трампа в 2018-2019 гг. Характер и масштабы современного торгового протекционизма можно адекватно оценить на основе так называемой «неопределенности торговой политики» (англ. – Trade Policy Uncertainty, TPU). Д. Калдарой был разработан Индекс неопределенности торговой политики, показывающий, что эта неопределенность существенно возросла в 2017-2018 гг. до тех уровней, которые не наблюдались с 1970-х годов [8, с. 58]. После 2017 года тарифы на импорт Китая США стали резко расти (в 2018-2020 гг. – с 3% до 21%), а после возвращения Д. Трампа в Белый дом тарифная эскалация вновь усилилась в январе 2025 года [12, с. 11]. По сравнению с 2018-2019 гг. в первой половине 2025 года индекс TPU возрос в 4 раза. По оценке К. Константинеску, серьезный скачок индекса в 2018-2019 гг. мог замедлить рост мировой торговли на 1% [9], и последствия данного снижения отмечались [16] для ресурсов, поставщиков и цен. Позднее Р. Сампояро отметил, что снижение товарной торговли могло быть еще большим, чем в условиях, когда неопределенность отсутствовала бы [20].

Однако следует учитывать более широкое воздействие неопределенности торговой политики, чем просто на обмен, которое рассматривалось в литературе [18, с. 17], в том числе на примере торговли между странами, которые геополитически удалены друг от друга [17]. Неопределенность торговой политики, оказывая очевидное воздействие на сокращение торговли, вместе с тем может и увеличивать ее, особенно после первого времени после наступления неопределенности, и такая ситуация в мировой экономике действительно наблюдалась в начале 2025 года. Чтобы оценить подобного рода эффекты, Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) была разработана специальная модель векторной авторегрессии [19, с. 36], в которой оценивается динамика реального глобального импорта через год или три года после наступления неопределенности. Шок неопределенности торговой политики, видимо, вызывает рост инвестиций после наступления самого шока, и инвестиции импортируются быстрее потребления. При сохранении текущей неопределенности глобальный импорт через год может снизиться на 3%, однако это снижение может быть компенсировано ростом инве-

стиций. Если анонсируются более всеохватные ограничительные меры, то неопределенность возрастет, в том числе и в отношении потенциальных ответных мер.

Вероятно, что угрозы повышения тарифов со стороны США могут использоваться в политических целях и высокие тарифы в конечном итоге так и не будут введены, поскольку США понимают о степени высоких экономических издержек предполагаемых тарифов для собственно экономики США, инфляционных ожиданий и доверия потребителей в стране. Однако риторика Д. Трампа постоянно склоняется к тому, что тарифы являются важным источником государственных доходов, своеобразным бюджетным инструментом. Значительная степень неопределенности торгового протекционизма США также выражается в сложности оценить степень воздействия американских тарифов по разным странам. Вероятно, в итоге у США сложатся более жесткие условия торговли с Китаем, чем с ЕС, поскольку дефицит торговли США с Китаем выше аналогичного показателя с ЕС, а агрессивный торговый протекционизм США сегодня направлен в основном на Китай. Вместе с тем за последний год торговые отношения США ухудшились и с ЕС, демонстрируя новый виток тарифной эскалации.

Современная внешнеторговая политика в целом имеет следующую *специфику*: а) установление тарифа в размере 10% на весь товарный импорт, независимо от продукции и страны ее происхождения (предполагается, что тарифы защитят работников и отрасли экономики США от иностранной конкуренции); б) введение адвалорного тарифа до 60% на весь китайский импорт, в том числе на автомобили – в размере 100%; в) продолжении США тарифной эскалации в ответ на использование другими странами недобросовестных практик в торговле.

Данная стратегия в основном соответствует нарративам, наблюдаемым в торговой политике США с 2018 года, когда США не только начали устанавливать тарифы в торговле, но и вышли из таких важных торговых соглашений, как НАФТА и ТТП. Начиная с 2018 года США ввели тарифы на импорт стали и алюминия из многих стран, а также значительные тарифы, достигающие 25%, на импорт из Китая (например, в отношении поставок солнечных батарей и электромобилей). Торговый конфликт США и Китая, первоначально (в 2017-2018 гг.) охвативший лишь 34 миллиарда долларов взаимной торговли, однако далее эта сумма возросла более чем в десять раз, а Китай ввел ответные тарифы в отношении американского экспорта на сумму 100 миллиардов долларов, включая такие чувствительные отрасли, как автомобилестроение, энергетика и аграрный сектор (ставки – в диапазоне 5-25%. Пик эскалации пришелся на начало 2020 года, и затем Соглашение между Китаем и США привело к снижению ставок для экспорта Китая с 15% до 7,5% (общей стоимостью 120 млрд долл.), однако этот вовсе не означало окончание торговой войны [7, с. 13].

В свою очередь, страны-торговые партнеры США ввели ответные меры в отношении аграрного экспорта США. Примечательно, что в период президентства Дж.

Байдена многие из введенных тарифов остались в силе. Несмотря на то что, например, ЕС удалось добиться, чтобы отменить тарифы на свой экспорт, в отношении Китая тарифная эскалация продолжилась: тарифы на импорт в США солнечных батарей и электромобилей китайского происхождения возросли соответственно до 50% и 100% [12, с. 12]).

В рамках предвыборной гонки в США в 2024 году вновь актуализировалась дискуссия о тарифах, и Д. Трамп предложил ряд протекционистских мер, включая: повышение тарифов на весь импорт из других стран на 10-20% (Китая – на 60%); повышение тарифов до уровня, необходимого для замены подоходного налога; введение тарифов на импорт в размере 100% из тех стран, которые прекратят использовать американский доллар в своих международных операциях. Администрация США обосновывала эти меры соображениями национальной безопасности США, включая необходимость преодоления дефицита торгового баланса США, реиндустриализацию экономики и укрепление позиций доллара США. Предполагаемый размер импортных пошлин в ценах 2022 года составлял почти 2,3 трлн долл., а в случае, если тарифы затронут Мексику и Канаду – 3,1 трлн долл. Исходя из гипотезы установления пошлин в 10% на импорт из третьих стран, 60% для китайского импорта и контрмер других стран в отношении американского экспорта, совокупные пошлины затронут почти 22% международной торговли. Эти уровни пошлин расцениваются как очень высокие, поскольку среднемировая таможенная пошлина в 2022 году составляла 3,6%, средняя пошлина в импорте США – 2,2%, а Китая – 4,7% (для сравнения: в 2017 году средние пошлины составили соответственно 3,9, 2,1 и 6,1%) [7, с. 4].

В течение 2025 года торговый протекционизм США характеризовался агрессивной риторикой, а особо остро торговая эскалация стала проявляться в январе-марте 2025 года, когда были введены новые тарифы США в отношении импорта фармацевтических товаров, полупроводников, компьютерных чипов, автомобилей (свыше 25%), аграрной продукции, алюминия и стали. В географическом отношении в основном американские тарифы коснулись Китая, Канады и Мексики. Назвав 2 апреля 2025 года так называемым «Днем освобождения», США ввели тарифы в отношении почти всех стран-партнеров в торговле (базовая тарифная ставка для всех стран – 10%). В частности, для Индии импорт из США будет облагаться дополнительным (помимо 10%) тарифом в размере 27%, для Китая – 34%, Вьетнама – 46%, Канады и Мексики – 25%. Получается, что Индия имеет конкурентное тарифное преимущество перед Китаем в размере 7%, а перед Вьетнамом – 19%. Эта разница существенно значима для Индии, особенно для ее экспорта текстиля и телекоммуникаций. Кроме того, по Соглашению между США, Мексикой и Канадой (USMCA) большинство импортных товаров из Канады и Мексики освобождены от уплаты пошлин, что дает этим странам дополнительные конкурентные преимущества по сравнению с экспортёрами Вьетнама, Индии и Китая. Важно, что указанные ставки адвалорных пошлин применяются к неамериканским това-

рам, но при условии, что более 20% стоимости товара имеет американское происхождение [11, с. 1]. Определенные сектора были освобождены США от взаимных пошлин, учитывая критические потребности стран в этих материалах (металлы, минералы, некоторые химикаты, фармацевтические товары, полупроводники).

УГРОЗЫ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ США ДЛЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Обсуждая современную торговую политику США, важно отметить, что высокие импортные пошлины увеличивают затраты домохозяйств и компаний, ведут к снижению конкурентоспособности на корпоративном уровне и замедлению экономического роста на уровне государства. Если происходит эскалация ставок тарифов по отношению к готовой продукции, тогда как по сырью тарифы остаются низкими, то это становится барьером для экспорта товаров с высокой степенью промышленной обработки из развивающихся стран. В итоге последние сталкиваются с сокращением добавленной стоимости, и в этой группе стран возникает дилемма между применением тарифов, защищающих их национальные экономики, и интеграцией в систему мирохозяйственных связей. Выбор между этими направлениями и поиск оптимального пути критически важен с точки зрения обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

Специалисты Центра перспективных исследований и международной информации (СЕРИ, Франция) провели моделирование торговой войны, инициированной в 2025 году, при помощи специальной эконометрической модели MIRAGE-Power. Ключевые сценарии в моделировании предполагает рост тарифов на весь американский импорт из Китая на 60%, а прочих торговых партнеров США – на 10% (исключая Мексику и Канаду), а также учитывает ответные тарифные меры, которые введут торговые партнеры США. Оказалось, что агрессивная торговая политика Д. Трампа может привести к 2030 году к снижению мировой торговли на 3,4%, а мирового ВВП – на 0,5%. Мировые торговые потоки существенно перераспределяются: произойдет сокращение китайского экспорта в США почти на 81%, а американского экспорта в Китай – на 58%. При этом удивительно, что экспорт в США в третьи страны снизится на 20%, в Канаду – возрастет на 4%, Мексику – возрастет на 17%. В то же время американский импорт из Мексики возрастет на 33,6%, а из Канады – на 17,5% [7, с. 2, 5, 19]. Потери наиболее пострадавших стран – Китая и США – составят около 1,3% ВВП. Таким образом, четко проявляется ниаршоринг во внешнеторговых связях США, поскольку торговля между США и Китаем рухнет, перераспределится, а дефицит торгового баланса Китая со многими странами существенно возрастет.

Воздействие торговой войны может усиливаться, если тарифы будут охватывать все больше стран, или если тарифные меры будут дополняться нетарифными инструментами регулирования импорта. Поэтому для США важна сама тактика такой войны: между всеохватными тарифами и «транзакционной» политикой, когда тарифы используются лишь в отношении конкретных стран с целью давле-

ния, чтобы они пошли на уступки. К нетарифным ограничениям можно отнести, в частности, запреты Китая на экспорт в США редкоземельных металлов или дополнительное налогообложение со стороны ЕС международных компаний – технологических гигантов США [1]. Эти меры могут быть весьма важными с точки зрения побочных эффектов международной торговли и ее перераспределения. Кроме того, несмотря на агрессивную торговую политику Д. Трампа в 2018-2019 гг., его тарифные ограничения были все же избирательными и нацеленными на конкретных партнеров и конкретные товары. Это связано с тем, что Президент США вводит те ограничения, которые ему разрешены законодательством о торговле из соображений национальной безопасности, защиты внутреннего рынка или противодействия недобросовестной практике внешнеторговых партнеров США. По этим основаниям Президент США может ввести тарифы, но не универсально, а избирательно, то есть на определенные товары из конкретных стран.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТАРИФОВ США НА ЭКОНОМИКИ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Нынешняя торговая война нуждается в анализе воздействия не только на международную торговлю, но также на ВВП отдельных стран, их двусторонние потоки в торговле, деловую активность в отдельных отраслях. Важно оценить, насколько губительны будут последствия американских товаров для экономики Китая, а также ответных контрмер для экономики США, и, наконец, каковы будут последствия для стран – внешнеторговых партнеров США. Примечательно, что торговые партнеры США вводят эквивалентные тарифы в отношении американского экспорта. Примечательно, что такое «возмездие», то есть контрмеры, увеличит потери американского ВВП и могут потенциально обеспечить даже выигрыш некоторых стран. В свою очередь, тарифы сгенерируют дополнительные доходы США, однако они, по всей видимости, будут намного ниже доходов, которые были собраны в США посредством подоходного налога. Контрмеры обусловят большие потери ВВП США, чем Китая, однако эти меры положительно не скажутся на странах – торговых партнерах США, хотя и будут проявляться большие выгоды для Мексики и Канады. Если, помимо тарифных мер, в торговую войну подключаться нетарифные меры, то последствия для стран будут более негативными и ощутимыми. В свою очередь, США не смогут извлечь пользу от тарифов, заменив ими подходящий налог.

Далее нами на примере торговли США с Индией и странами еврозоны были проанализированы масштабы торговой войны и оценены ее последствия.

В *Индии* воздействие американских тарифов будет отличаться в разрезе отдельных отраслей, причем их доля во внешнеторговом обороте не обязательно должна быть высока. Так, экспорт автомобилей в Индию невелик, однако в отношении автозапчастей, экспорт которых в США составляет 2,1 млрд долл., влияние возросших в 10 раз тарифов значительно увеличит расходы экспортеров Индии. Что касается, например, текстильной отрасли, то, несмотря на тарифы, Индия сохра-

няет преимущество перед другими экспортерами текстиля в США (Вьетнамом и Китаем), поскольку тарифы США для других стран еще более высоки. Для сельского хозяйства Индии тарифы США оказывают существенное влияние, поскольку другие экспортеры аграрной продукции (Канада, страны Латинской Америки, Мексика) столкнулись с более низкими тарифами США.

Таблица 2

Воздействие тарифов США на экспорт Индии в США

Статьи экспорта	Экспорт Индии в США (млрд долл.)	Размер тарифа, %	
		(до 9 апреля 2025 г.)	(после 9 апреля 2025 г.)
Фармацевтические товары	8,73	0	0*
Автомобили (легковые и грузовые)	0,051	2,5	25
Запчасти для автомобилей	2,1	2,5	25
Текстиль	9,5	6-9	33-36
Нефть и газ	5,8	5,2	5,2
Сельскохозяйственная продукция и продовольствие	5,5	4-5	31-32

Примечание: **фармацевтический сектор (так же, как нефть и газ) получил освобождение от тарифов специальным Приложением к Указу от 2 апреля 2025 года.

Источники: [10], [11, с. 2, 5].

Несмотря на то что доля США в экспорте Индии составляет 18%, установление взаимных тарифов будет перенаправлять экспорт Индии в альтернативные развивающиеся страны, расположенные в разных регионах мира. В свою очередь, подписанное Индией соглашение с Европейской ассоциацией свободной торговли, а также аналогичные переговоры о подписании соглашения о свободной торговле с Великобританией помогут открыть новые рынки для Индии, нейтрализуя напряженность в торговле с США. Однако так называемая «Миссия 500» предполагает рост американо-индийского товарооборота к 2030 году до 500 млрд долл., и Индия нуждается в двустороннем многоотраслевом торговом соглашении с США для смягчения введенных взаимных пошлин.

Обострение протекционистской торговой политики США имеет негативные последствия для всей мировой экономики, однако для экономики *Европы* эти последствия могут быть сравнительно сдержанны. Усиление агрессивного торгового протекционизма США негативно отражается на экономической стабильности еврозоны, ее финансовых рынках и экспорте. Однако денежно-кредитная политика и корректировки валютного курса со стороны Европейского центрального банка (ЕЦБ) способны смягчить воздействие тарифов на европейский экспорт, а девальвация евро способствует поддержанию конкурентоспособности европейских экспортеров, несмотря на торговый протекционизм. Вместе с тем, если монетарная политика будет слишком ограничительной, и если ЕС будет вводить слишком

жесткие протекционистские меры в торговле, это создает дополнительный риск экономической рецессии. В свою очередь большим риском является ухудшение финансовых условий для Европы вследствие роста премий за риск по долгосрочным облигациям США, и это негативно отражается на решениях об инвестициях и устойчивости госдолга, поскольку будут расти расходы на выплату долгов, а фискальное пространство еврозоны будет сужаться. Скорее всего, речь должна идти об улучшении координации гибкой монетарной и осторожной фискальной политики, что позволит сгладить напряженность во внешней торговле и на финансовых рынках. В то же время, тарифные ограничения США в отношении Китая могут способствовать перенаправлению его экспорта в Европу, что, однако является риском для конкурентоспособности отраслей европейской промышленности. ЕС необходимо стремиться к диверсификации внешней торговли в долгосрочной перспективе и укреплению отношений с альтернативными странами – торговыми партнерами, чтобы уменьшить зависимость от американского рынка

Умеренное воздействие американских тарифов на экономику ЕС может компенсироваться снижением курса евро и мягкой монетарной политикой ЕЦБ. Если на макроуровне это воздействие на предложения остается ограниченным, на корпоративном уровне есть риски отдельных отраслей и регионов, которые могут быть подвержены шокам. Так, жесткие торговые ограничения США для Китая ведут к перенаправлению торгового излишка Китая в Европу. Негативное воздействие торгового протекционизма США на экономику Европы может быть усилено жесткой монетарной политикой ЕЦБ ввиду его опасения по поводу импорта инфляции, и такой подход еще больше замедлит экономический рост в ЕС. Кроме того, если ЕС примет меры, воздействующие на динамику предложения, то в ближайшие годы следует ожидать снижение потенциального объема производства. Так, скорее, ошибкой будут ответные ограничения в отношении технологических компаний США, поскольку процессы внедрения технологий в Европе замедляются, негативно сказываясь на производительности. Кроме того, ЕС и не следует прибегать к полномасштабной торговой войне, способной привести к сбоям поставок промежуточных ресурсов в страны ЕС.

Помимо индикаторов торговли необходимо оценивать ее динамику во взаимосвязях с финансовыми рынками. Так, растущий дефицит бюджета в США оказывает воздействие на фискальную политику в ЕС. Рост премий по долгосрочным облигациям США создает риски ухудшения финансовых условий в Европе, и это особенно важно, если странам ЕС будет необходимо расширение госрасходов на разные нужды, включая безопасность и оборону. Поэтому изменение финансовых условий следует рассматривать параллельно с эффектами торговли, увязывая торговую политику с фискальной и монетарной политикой.

ВЫВОДЫ

В условиях не утихающего торгового протекционизма со стороны США странам-партнерам США необходимо начать договариваться с США об уступках, либо использовать ответные контрмеры, которые США способны оценить и «почувствовать». Например, между ЕС и США это может быть соглашение об упрощении процедур торговли, либо соглашения о полной отмене пошлин в торговле промышленными товарами, и, если его не удастся заключить, можно использовать эквивалентные американским пошлины в отношении импорта США, либо дополнительный налог на импорт цифровых услуг в ЕС. Ответные контрмеры стран на американский импорт усилят потери ВВП США, однако важно то, какие страны вводят контрмеры. Безусловно, эти потери будут больше при введении контрмер ЕС либо Китаем, чем при их введении Японией. Дело в том, что ЕС и Китай имеют в своем арсенале множественные эффективные контрмеры, включая эмбарго на экспорт.

В целом, многосторонняя система, сложившаяся в предыдущие десятилетия в рамках ВТО, в наибольшей степени страдает от торгового конфликта между США и Китаем, поскольку американские тарифы противоречат основным принципам ВТО (недискриминации и режиму наибольшего благоприятствования), а также списку тарифных уступок, разрешенных в рамках ВТО. Таким образом, все большая доля международной торговли будет осуществляться за рамками правил ВТО, сложившиеся единые тарифы в мире будут все больше деконсолидироваться, делая торговые отношения между странами менее стабильными, и они будут в большей степени акцентироваться на создании взаимных преференциальных торговых соглашений (ПТС) на региональном уровне.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Карелина Е.А. Влияние турбулентности мировой экономики на стратегии международных компаний – технологических гигантов // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 1. С. 705-724. @@ Karelina E.A. Vliyanie turbulentnosti mirovoj e`konomiki na strategii mezhdunarodny`x kompanij – tehnologicheskix gigantov // Voprosy` innovacionnoj e`konomiki. 2022. T. 12, № 1. S. 705-724. DOI 10.18334/vinec.12.1.114413.
2. Кириллов В.Н., Миллер Я.В. Глобальные цепочки создания стоимости в современной международной торговле. Научная монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2020. – 151 с. @@ Kirillov V.N., Miller Ya.V. Global`ny`e cepochki sozdaniya stoimosti v sovremennoj mezhdunarodnoj trgovle. Nauchnaya monografiya. – М.: Izdatel`stvo «Sputnik+, 2020. – 151 s.
3. Практикум по мировой экономике и международным экономическим отношениям / М.Ю. Антропова, В.В. Атурин, В.И. Иванова [и др.]. – М.: Русайнс, 2025. – 278 с. @@ Praktikum po mirovoj e`konomike i mezhdunarodny`m e`konomicheskim otnosheniyam / M.Yu. Antropova, V.V. Aturin, V.I. Ivanova [i dr.]. – М.: Rusajns, 2025. – 278 s.– ISBN 978-5-466-09560-9.

4. Смирнов Е.Н. Механизмы структурного реформирования экономики Китая в контексте развития торгового конфликта с США // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1(17). С. 31-44. @@ Smirnov E.N. Mexanizmy` strukturnogo reformirovaniya e`konomiki Kitaya v kontekste razvitiya torgovogo konfliktka s SShA // Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika. 2019. № 1(17). S. 31-44. DOI 10.21686/2410-7395-2019-1-31-44.
5. Amiti M., Redding S.J., Weinstein D.E. (2020). Who's paying for the US tariffs? A longer-term perspective. AEA Papers and Proceedings, Vol. 110, pp. 541–546.
6. Autor D. et al. (2024). Help for the Heartland? The Employment and Electoral Effects of the Trump Tariffs in the United States. NBER Working Paper, No. 32082. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, January, 51 p.
7. Bouët A., Sall L.M., Zheng Y. (2025). Towards a Trade War in 2025: Real Threats for the World Economy, False Promises for the US. CEPII Working Paper, No. 2025-03. Centre d'Études Prospectives et d'Informations Internationales (CEPII), 51 p.
8. Caldara D. et al. (2020). The economic effects of trade policy uncertainty. Journal of Monetary Economics, Vol. 109, pp. 38–59.
9. Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. (2019). Policy uncertainty, trade and global value chains: some facts, many questions. World Bank Policy Research Working Paper, No. 9048, 18 p.
10. Directorate General of Foreign Trade, India. URL: <https://www.dgft.gov.in/CP/> (дата обращения: 22.03.2025).
11. E&Y (2025). Key announcements: US tariffs. Ernst & Young LLP (E & Y), 7 p.
12. European Parliament (2025). Euro Area Risks Amid US Protectionism. Study Requested by the ECON committee Monetary Dialogue Papers. Directorate-General for Economy, Transformation and Industry PE 764.186, March, 40 p.
13. Fajgelbaum P. et al. (2020). The return to protectionism. The Quarterly Journal of Economics, Vol. 135, pp. 1–55.
14. Felbermayr G., Hinz J., Langhammer R.J. (2024). US trade policy after 2024: What is at stake for Europe? Kiel Policy Brief, No. 178. Kiel Institute for the World Economy, 41 p.
15. Flaaen A., Pierce J.R. (2019). Disentangling the effects of the 2018-2019 tariffs on a globally connected us manufacturing sector. Finance and Economics Discussion Series, No. 2019-086. Wash.: Board of Governors of the Federal Reserve System, 32 p. DOI: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2019.086>.
16. Handley K., Limão N. (2022). Trade policy uncertainty. Annual Review of Economics, Vol. 14, p. 363-395.
17. Jakubik A., Ruta M. (2023). Trading with friends in uncertain times. Journal of Policy Modelling, Vol. 45 (4), pp. 768-780.
18. Nana I., Ouedraogo R., Sampawende J.T. (2025). The heterogenous effects of uncertainty on trade. IMF Working paper, No.139. International Monetary Fund (IMF), Wash., DC, 42 p.
19. OECD (2025). OECD Economic Outlook: Resilient Growth but with Increasing Fragilities. Vol. 2025/2, No. 118, December. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), Paris, 283 p.
20. Sampognaro R. (2025). Regardless of the outcome, uncertainty in trade policy will have significant effects on global trade. OFCE blog, April. URL: https://www.ofce.sciencespo.fr/blog2024/en/2025/20250422_RS/ (дата обращения: 20.11.2025).

21. Swagel Ph.L. (2024). Effects of Illustrative Policies That Would Increase Tariffs. Congressional Budget Office, US Congress, Wash., DC, December 18, 9 p.

22. UNCTAD (2025). Global trade Update. The role of tariffs in international trade. Policy Insights. Division on International Trade and Commodities, UNCTAD, 23 p.

23. York E. (2024). Five Things To Know About Trump's Income Tax and Tariff Idea. Tax Foundation, June 18. URL: <https://taxfoundation.org/blog/trump-income-tax-tariff-proposals/> (дата обращения: 10.02.2025).

